

Антон Свешников

«Но ливонец – наш сосед, дело тут похуже»: антизападные интенции в детской советской исторической литературе (по страницам поэмы Н.П. Кончаловской *Наша древняя столица*).

Как известно, историческое сознание формируется (и репрезентируется) вовсе не специализированными профессиональными историческими текстами. Эти тексты пишут специалисты для специалистов. Массовое историческое сознание формируется в современном обществе устной традицией, текстами СМИ, художественной литературой и школьными учебниками. Восприятие этих текстов определяется, с одной стороны, общими политическим, идеологическими и культурными условиями, а с другой, возрастными, психологическими, социальными характеристиками реципиента. Формирование культурной идентификации в детском возрасте происходит под воздействием текстов, ориентированных на специфику детского восприятия, т.е. содержащими четкий образ имплицитного реципиента. Вопрос о том, насколько и как можно контролировать и направлять складывание индивидуального образа истории в рамках той или иной культуры, во многом решается за счет наличия у той или иной культурной группы (элиты) дискурсных и институциональных механизмов воздействия на этот процесс. И одним из таких институтов для советской культуры, на наш взгляд, была детская литература<sup>1</sup>. «Выраженные языком художественных форм основные идеи времени проникали в более глубокие пласты сознания, нежели прямые дидактические указания и лозунги. Образы литературы и искусства подкрепляли и развивали господствующие идеологемы, в какой-то мере упреждая их»<sup>2</sup>. Безусловно, можно согласиться с Е. Штейнером, который, указывая на особую роль детской книги в выработке «советской» культурной идентификации, писал: « (...) работа для детей имела чрезвычайно важное значение для строителей нового мира, поскольку в этом случае адресат художественного текста подвергался не переделке, а изна-

<sup>1</sup> «Круг детского чтения формируется взрослыми (...) они могут иметь разную степень идеологической нагруженности, но сама ситуация отбора дает возможность говорить о детской литературе как о сфере культуры, в которой осуществляется власть: взрослого над ребенком, знающего над незнающим». См. Мамедова, Д. Персонажи власти в литературе для детей советского времени // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века / Под ред К Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского. М., 2002. С. 131.

<sup>2</sup> Штейнер, Е. Искусство советской детской книги 1920 годов. Авангард и построение нового человека. М., 2002. С. 20.

чальному формированию как в эстетическом, так и во всех социально нагруженных аспектах»<sup>3</sup>. По мнению Д. Мамедовой, «литературные произведения для детей, созданные в Советском Союзе в 1930–1950-е годы, представляют собой один из наиболее нагруженных типов текста. С их помощью ребенок вводится в мир нормативных ценностей, присущих обществу»<sup>4</sup>.

Написанная в 1947–1953 годах книга Натальи Петровны Кончаловской<sup>5</sup> (1903–1988) *Наша древняя столица* является, на наш взгляд, одним из лучших произведений о российской истории «для детей младшего и среднего школьного возраста», в котором в полной мере отразилась официальная «сталинская» (т.е. «советская» образца 1940–1950-х гг.) схема отечественной истории<sup>6</sup>. В тексте книги идеологические и даже мировоззренческие принципы официальной схемы получили блестящее художественное воплощение. Выявлению идеологических элементов образа истории, содержащихся в этой книге, и посвящена данная работа. При этом мы оставляем в стороне, во-первых, мифологические компоненты, безусловно, присутствующие в этой книге<sup>7</sup>, во-вторых, художественные, риторические и литературные приемы, посредством которых «сделан» текст (это предмет отдельного исследования), в-третьих, вопрос об «исторической достоверности» описания тех или иных событий. Попытаемся редуцировать текст до идеологического остатка, вовсе не отрицая его художественную специфику. Мы постараемся, сконцентрировавшись на тексте, зафиксировать некоторые основные элементы содержащегося в нем «образа истории». В силу того, что формализовать «до прозрачности» сам механизм реконструкции образа не удастся, придется попросту «показывать на примерах». Кроме того, нам потребуется создать вокруг этой реконструкции некий (безусловно, фрагментарный) интерпретационный контекст.

Хотя начать следует с одной оговорки сугубо личного характера. Дело в том, что с самого детства я очень люблю эту книгу. В школьные годы я неоднократно

<sup>3</sup> Там же. С. 22.

<sup>4</sup> Мамедова. Персонажи власти ... С. 131.

<sup>5</sup> Н.П. Кончаловская, безусловно, не принадлежит к общепризнанным «классикам» советской детской литературы. Она имеет репутацию «добротного» детского писателя, что нас, в общем, вполне устраивает. См. Арзамасцева, И., Кончаловская, Н. Русские детские писатели XX века. Библиографический словарь. М., 1997.

<sup>6</sup> Общую характеристику этой схемы и процесса ее формирования см. Дубровский, А. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск, 2005; Шенк, Ф. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000). М., 2007; Плат, К. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90; Юрганов, А. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В. Корзун. М., 2011.

<sup>7</sup> Образец мифологического анализа текстов, отражающих советский образ истории, см. в: Гловинский, М. «Не пускать прошлое на самотек»: Краткий курс ВКП (б) как мифическое сказание // НЛЮ. 1996. № 22. С. 142-160; Шатин, Ю. Политический миф и его художественная деконструкция // Критика и семиотика. 2003. № 6.; Вайскоп, М. Писатель Сталин. М., 2002.

перечитывал ее, многие довольно большие фрагменты знал наизусть (а запоминаться они очень легко), художественные образы этой книги «задавали» мои детские фантазии на исторические темы. Мое личное поле воображаемого прошлого было запрограммировано этой книгой. Сопровождающие издание прекрасные гравюры Владимира Андреевича Фаворского, выполненные вместе с М. Фаворской и В. Федяевой, я мог рассматривать часами<sup>8</sup>. В общем именно эта книга во многом определила мою последующую профессиональную судьбу, и, подвергая анализу положенный в ее основу образ российской истории, я во многом анализирую (насколько хватает критической дистанции и «профессионального цинизма») образ прошлого, заложенный во мне историзмом поздней советской культуры.

Еще раз следует оговориться, что мы имеем дело не с конъюнктурной подделкой под художественную литературу, не с пустым «холодным» официозом, читаемым школьником «из-под палки» и не задевающим за живое, какой можно было ожидать от жены автора советского государственного гимна. Мы имеем дело с настоящим шедевром своего жанра, текстом, с которым «резонирует душа» (сознание советского ребенка) и мурашки бегут по коже. Образы этого текста вошли в сознание целого поколения (или вернее нескольких поколений) советских людей, формируя коллективные представления о прошлом, внося в них в качестве необходимого «несущего» элемента идеологию в той форме, в какой ее можно было искренне любить и в нее верить. Кроме того, школьным учителям истории рекомендовалось использовать книгу «для оживления» преподавания на уроке, что они и делали (порой, делают до сих пор).

Первая часть книги Н.П. Кончаловской вышла в 1947 г. и была посвящена 800-летию Москвы. В дальнейшем текст дорабатывался, и переработанное полное издание, включающее все три части, вышло в 1966 г. тиражом 300 тысяч экземпляров.

Книга *Наша древняя столица* посвящена истории допетровской Руси. Хронологически она охватывает период с гипотетического основания Москвы до крестьянской войны под руководством Степана Разина. Поэтому вполне закономерно, что научным консультантом книги являлся доктор исторических наук Владимир Терентьевич Пашуто, будущий член-корреспондент Академии Наук СССР, один из общепризнанных специалистов по истории отечественного феодализма.

Итак, какие же конструктивные элементы содержащегося в тексте образа истории позволяют нам говорить о его идеологической окрашенности.

Во-первых, история России в этой книге оказывается историей государства. Государство, по-гегелевски, выступает в качестве необходимой формы народной

---

<sup>8</sup> В собрание сочинений Н.П. Кончаловской *Избранное в двух томах* «поэма» «Наша древняя столица» опубликована без иллюстраций В.А. Фаворского, и от этого как текст очень многое теряет. Показательно и то, что нарочито «классические» иллюстрации этой книги откровенно противостоят «авангардной» советской детской книге 1920-х гг.

жизни<sup>9</sup>. Основные политические события, влияющие на историю государства, в обязательном порядке находят освещение на страницах книги. «Неполитическая», в первую очередь социально-экономическая повседневность, которой автор также уделяет немало места, оказывается внутренним наполнением жизни государства.

Центром государства, «сердцем русских земель», оказывается Москва. Киевский, владимирский и прочие этапы русской истории фактически остаются за пределами этой книги. Даже о том, что Москва какое-то время входила в состав Владимирского княжества, на страницах книги не говорится. Москва, если не формально, то сущностно, всегда была столицей – вот лейтмотив всей книги. Москва по своему значению не может быть провинцией. Потому, в принципе, оказался не возможен в этой книге «петербургский» период русской истории. Независимо от намерений и подлинных целей автора, он разрушал бы целостность художественной картины.

В силу этого, даже в тех исторических событиях, в которых роль Москвы не могла быть сколько-нибудь значительной, автор останавливается на описании московских событий. Так, одним из важнейших эпизодов похода на Русь Батыя в 1237-1238 гг., наряду с осадой Рязани и подвигом Евпатия Коловрата, оказывается оборона Москвы, описанная в крайне патетическом ключе:

До берегов Москвы-реки  
Ордынский хан довел полки ...  
Кремль осаждает хищник смелый!  
Он до зубов вооружен,  
Он мечет огненные стрелы,  
По стенам в крепость лезет он;  
Во все ворота бьет тараном,  
Под башнями костры кладет ...  
И нету сил бороться с ханом,  
Пылает Кремль, пропал народ!  
Не много дней осада длится,  
И вот уж больше нет столицы ...<sup>10</sup>

В то время как осада Торжка и Козельска не упоминаются вовсе.

При этом мы имеем дело не с краеведением (историей Москвы), а с историей государства Российского, поданной через призму истории Москвы, со взглядом из Москвы на российскую историю. Точнее говоря, со взглядом из Московского университета. В пользу такого, визуального и университетски централизованного

---

<sup>9</sup> В этом отношении книга, безусловно, выступает продолжателем традиции дореволюционной исторической литературы, идущей от Н.М. Карамзина и государственной школы.

<sup>10</sup> Кончаловская, Н. Наша древняя столица. Картины из прошлого Москвы. М., 1972. С. 19. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

видения говорит уже введение книги («Читатель мой, бывал ли ты на башне университета? Видал ли с этой высоты столицу нашу в час рассвета» (С. 5)), в котором разворачивается картина утренней Москвы с главного здания университета, одной из наиболее помпезных построек сталинских времен, постройка, которая должна была зримо свидетельствовать о могуществе сталинского Советского Союза. Более того, этот ход во введении задает субстанциональность видения исторического процесса. Сегодняшняя сталинская Москва – эта та же сама Москва, которая, зародившись в глухих болотах много веков назад, всегда, на протяжении всех веков своей истории, была «сердцем русских земель». В этой связи даже не встает вопрос о том, почему именно Москва стала ядром централизованного государства<sup>11</sup>. Иначе и не могло быть. Так определено самим ходом русской истории.

Субстанциональность<sup>12</sup> подчеркивается и специальным риторическим ходом (это, пожалуй, единственный риторический ход, на который мы обратим внимание). Автор постоянно обращается к читателю с фразами «твоя родина», «твоя столица», «твои предки».

Кроме того, субстанциональность напрямую вырастает из подчеркиваемой связи места исторических событий с топографией современной Москвы (в первую очередь в главе «Что Неглинная река повидала за века»).

С этим напрямую связан и очевидный дидактический момент – история учит патриотизму.

---

<sup>11</sup> Естественно, что предлагаемая книгой история России была этнически монолитной. См. Бордюгов, Г., Бухараев, В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймемахера и Г. Бордюгова. М., 2003.

<sup>12</sup> О субстанциональности субъекта исторического процесса в советской историографии см. Свешников, А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930-1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86-112.

Мой читатель! Кто б ты ни был –  
Ленинградец, иль москвич,  
Иль из Мурманска ты прибыл,  
Или с Волги – костромич,  
Может, вырос ты в станице,  
Любишь Дона берега,  
Но тебе Москва-столица  
Бесконечно дорога.  
Узнаешь про этот город  
С самых первых, детских дней,  
Древний Кремль тебе так дорог –  
Сердце родины твоей.  
Взоры всех народов мира,  
Тех, что не хотят войны,  
На оплот людского мира –  
На Москву устремлены.  
Тут надежда всей вселенной,

Всех, кто нынче в кабале,  
Тут очаг ее нетленный  
Братской дружбы на земле.  
Мы отчизне верно служим,  
Ты – один из сыновей,  
Так расти, чтоб ты был нужен,  
Дорог Родине своей!  
Ждет тебя за труд награда -  
Цель прекрасная вдали,  
Но оглядываться надо  
На пути, что мы прошли.  
Ничего нет лучше, краше  
Милой родины твоей!  
Оглянись на предков наших,  
На героев прошлых дней  
(С. 312-315).

«Немосковские» события, например, антимонгольское восстание в Твери или Ледовое побоище, напрямую связываются с «московской» историей.

Ты мне скажешь, что в главе  
Ратники воспеты,  
О столице, о Москве,  
Ничего в ней нету!  
Но отвечу я тебе,  
Чтоб ребята знали:  
Эти ратники в борьбе  
Землю отстояли!  
Ведь спасли они тогда  
Русскую землю –  
Села, пашни, города,  
И, стало быть, столицу! (С. 26).

Во-вторых, особое внимание уделяется деятельности правителей русского государства, особенно тех, кто так или иначе связан с Москвой. При этом главным в их оценке оказывается защита интересов государства: борьба с иноземным захватчиками или мудрая деятельность по собиранию русских земель и формированию единого государства. Поэтому весьма показателен подбор исторических деятелей, попавших в поле внимания автора, поступки, которые они совершили и даваемые им оценки.

Александр Невский фигурирует в тексте только как герой Ледового побоища. При этом подчеркивается, что «вольнлюбивые» новгородцы без князя не могли отстоять свою независимость в борьбе с «иноземными захватчиками». Дмитрий Донской – полководец, сумевший одержать победу над татаро-монголами в Куликовской битве, которой придается огромное значение. Иван Калита показан как крепкий рачительный хозяин, заботившийся о Москве и благе государства. Заботой о Москве объясняется его участие в подавлении восстания в Твери и «задабривание» «татарского хана Узбека». Все эти действия приводят в итоге к позитивному результату – возрастает роль Москвы.

Так в Москву повели все дороги земли.  
Враждовать с Калитой уж князья не могли.  
Нынче спорить с Москвою князьям не с руки:  
Ведь чуть что – князь Иван собирает полки.  
Чем тяжеле ярмо поднимает народ,  
Тем скорее, сильнее богатство растет.  
Чем богаче Москва, чем хозяйство крупней,  
Тем Ивану сподручнее княжить над ней.  
И Москва собрала вокруг себя города.  
Лишь с Москвою считалась отныне орда (С. 33).

Иван Третий на страницах книги, в первую очередь, правитель, сбросивший ордынское иго:

Государь прочитал, и спокоен и строг,  
Повернулся к Ахметовым людям,  
Бросил наземь ярлык под сафьянов сапог  
И сказал : «Дань платить мы не будем! ...» (С. 81).

Кроме того, он создатель первого общерусского судебника и нового «пышного» дворцового обряда. При этом и то, и другое объясняется государственной необходимостью.

Единственные образы негативных правителей – это «слабые» первые Романовы, находящиеся в руках своих советников (Михаил Федорович под влиянием Филарета, а Алексей Михайлович под влиянием боярина Морозова) и окружения – Борис Годунов, не заботящийся о народе в трудные годы, а так же «боярский царь» «хитрый» Василий Шуйский. Коварство Шуйского подчеркивается неоднократно.

Слово цареве – неверное слово,  
Подлое слово у Шуйского злого (С. 181).

Наиболее сложной оказывается фигура Ивана Грозного, тесно переплетаясь с образом эйзенштейновского фильма<sup>13</sup>. Это мальчик со сложным детством, который, вырастая, заботится прежде всего о благе государства. И в этих заботах он несчастлив и одинок. Даже негативные проявления опричнины соотносятся не с политикой царя, а с деятельностью рядовых опричников «на местах» (так и хочется сказать «перегибами на местах»), переусердствовавших в усмирении непокорного, несознательного боярства. Вот как подается в книге «объективное» обоснование опричнины:

Разлеглась лоскутным одеялом  
Наша Русь – богатая страна:  
Вся по вотчинам большим и малым  
Меж боярами разделена.  
В кулаке у господина право –  
Все его и в поле и в селе.  
На границах ставит он заставу:  
Не ходи, мол, по моей земле!  
И войска свои – холопы с пашни –  
Шли на польских панов иль татар,  
Защищая в битве рукопашной  
Не страну, а вотчину бояр.

Царь за это на бояр в обиде,  
Им ничто – торговля да моря!  
Все сидят в берлогах, ненавидя  
Грозного московского царя.  
За чертой – поляки, немцы, шведы,  
А внутри – бояре да князья.  
Все враги! Попробуй поразведай, –  
Все косятся, ненависть тая (С. 111).

---

<sup>13</sup> Об образе Ивана Грозного в советской культуре 1940-х гг. См. Плат, К. Репродукция травмы.

В такой ситуации царь вынужден принимать максимально жесткие меры, хотя, «по-человечески», и кается потом.

Я окружен врагами!  
Но я убить себя не дам,  
Я всем им знаю цену.  
И с корнем вырвать должен сам  
Боярскую измену! (С. 126).

В ненасытной, страшной жажде мщенья  
Гнал людей на плаху, к палачам,  
А потом вымаливал прощенья,  
Сам не свой метался по ночам ... (С. 112).

При этом бояре, в общем-то, вполне заслуживают подобного отношения к себе (глава «Как опричник удалой выметал бояр метлой»).

Царь же заботиться о народе, благе страны, покровительствует первопечатнику Ивану Федорову.

Все войны, которые ведет царь, в том числе и Ливонская, а уж тем более поход на Казань, оказываются необходимыми для государства. История строительства Храма Василия Блаженного, в отличие от известного стихотворения Дмитрия Кедрина, дается без трагических коллизий взаимоотношения художника и власти.

В качестве третьего элемента следует отметить «ацерковность» русской истории. Христианство как вероучение и основа средневекового мировоззрения в книге полностью отсутствует. Его просто нет. Герои в своих стремлениях движимы, в первую очередь, общественно-политическими интересами. Даже те московские (Митрополит Алексей, Митрополит Макарий) и околomosковские (Св. Сергей Радонежский) церковные деятели, которые внесли свой вклад в формирование единого централизованного русского государства как политики, на страницах книги не упоминаются. Исключение – митрополит Филарет.

Беглая монашенка Алена, принимавшая участие в крестьянской войне Степана Разина, оказывается «первой русской героиней» (С. 291). Церковь фрагментарно присутствует лишь как социально-экономический институт, например, в главе «О церквях, монастырях и о том, как жил монах», но при этом монашеская жизнь рисуется достаточно негативно (не в духе агиток Емельяна Ярославского, но все-таки негативно). Позитивным в монастыре оказывается то, что его время от времени можно использовать как оборонительное сооружение, «древнерусскую твердыню». А, кроме того, все хозяйственные достижения монастырей связываются с трудом эксплуатируемых крестьян. Монастырь на страницах книги подается как феодал.

Монастырские уголья  
Сразу видны издали –  
Так и пышет плодородьем  
От монашеской земли.  
Монастырская пшеница  
Выше роста колосится,  
Выше пояса – овес,  
По колено – сенокос.  
А работает в полях  
Не звонарь и не монах –

Пашут поле батраки,  
Крепостные мужики.  
Для монаха все готово:  
И от рыбного улова,  
И от пчельника доход  
В монастырь несет народ.  
Скот разводят для монаха,  
Сосны рубят для монаха.  
На крестьянских на кормах  
Тунеядцем жил монах (С. 8).

Отсюда мы выходим на следующий, четвертый образующий элемент – идею классовой борьбы. Красной нитью со второй главы, усиливаясь к семнадцатому веку (времени формирования крепостного права), через книгу проходит идея об эксплуататорах-феодалах и несчастных эксплуатируемых крестьянах.

В главе с выразительным названием «Мужик с сошкой, а боярин с ложкой» рисуется выразительная картина эксплуатации трудового народа:

А живут по-скотски оба,  
Этих некому жалеть –  
От младенчества до гроба  
Либо окрик, либо плеть!  
Вот такой тогда была  
Крепостная кабала (С. 62).

Жестокости крепостного права стоят на пути даже личного счастья крестьян (глава «Сказ о том, как в этой были два холопа полюбили»). Отсюда же вытекают однозначно положительные образы руководителей крестьянских войн Ивана Болотникова и Степана Разина, описанию которых отводится очень много места. Пять глав посвящено описанию первой «крестьянской войны», семь – второй.

Но при этом показательно, что правители московского государства сами не рассматриваются в качестве феодалов. Феодалы-злодеи – это всегда бояре «на местах». Более того, в истории о двух любящих холопах именно Патриарх Филарет, вопреки воле непосредственных владельцев крепостных, дал возможность влюбленным соединиться.

Поименованным злодеем, приближенным к власти, оказывается лишь боярин Морозов со своим окружением. Они и выступают в качестве персонификации крепостного права.

Они и казнят и пытаются,  
Налогам мучают бедных людей,  
А царский зятек потакает.  
В Москве у бояр – через край закрома,  
А рядом у бедных – пустая сума,  
Краюха хлеба, шепотка соли –  
и взять с него нечего боле (С. 249).

«Бояре-мироеды» же всегда рисуются при помощи однозначно негативных, порой сатирических штрихов.

Что-то нынче «сам» не в духе,  
Он стоит, глядит в окно.  
(При таком огромном брюхе  
Сесть, конечно, мудрено!) (С.60-61).

Преследуя личные корыстные интересы, феодалы готовы предать интересы народа и государства. Вот, например, полемика между князьями Трубецким и Пожарским под стенами Московского Кремля:

И сказал он тут Пожарскому:  
«Мы с тобою ведь князья,  
Оба близки дому царскому,  
С мужиками нам нельзя!»  
Глянул князь на князя хмурого  
И сказал: «Мы все - народ!»  
Тронул стремя каурого  
И за Мининым – вперед ... (С. 190).

Не щадят феодалы тружеников-крестьян и в тяжелое время:

Каждый дом в селе словно глух и нем,  
Кто остался жив, тот ушел совсем.  
С монастырских стен – пустота,  
простор,  
А посмотришь внутрь в монастырский  
двор, –  
Там довольство все от былых времен,  
И гудит нам ним колокольный звон.  
Запаслись попы на десятки лет,  
Нету дела им до народных бед.

Не хотят попы продавать зерна:  
С каждым днем растет на зерно цена.

Лишь помещик так жить богато мог,  
Он всю жизнь с крестьян собирал оброк.  
В недородный год тот оброк велик:  
Чуть не все зерно отдавал мужик.  
Умирал холоп, убежал не в срок,  
Кто остался жив – тот платил оброк.

Мор, пожар, война – это все равно.  
Коль остался жив – подавай зерно!  
И несет мужик долю жалкую,

Все под окриком, да под палкою (С.  
153).

Так что жестокость по отношению к феодалам и со стороны крестьян, и со стороны центральной власти оказывается оправданной как исторически, так и морально.

Да и в целом, это, в-пятых, все войны, которые ведет российское государство, оказываются войнами справедливыми. Героизм и патриотизм – вот те черты, которые всегда подчеркиваются у русских воинов, защищающих свою свободу и независимость. Как в схватках с татаро-монголами, так и в битвах с западноевропейскими завоевателями, даже там где русские воины потерпели поражение. Погибший Евпатий Коловрат вызывает, впрочем, в полном соответствии с древнерусскими источниками, восхищение Батыя:

«Когда б тот воин был моим  
Близь сердца я держал такого! ...»  
А над землей клубился дым,  
Он гнал людей, лишенных крова,  
В леса, на страх ордынским ханам,  
На славу первым партизанам (С.19).

И в силу этого героизма, русский народ, а, следовательно, и русское государство непобедимы.

Не раз еще Москва горела,  
Не раз глумился враг над ней,  
Орда топтала то и дело  
Просторы родины твоей.  
Но солнце к вечеру садится  
И утром заново встает,  
Так каждый раз свою столицу  
Вновь восстанавливал народ (С. 20).

Войны, которые ведет московское государство, оказываются освободительными и для других народов.

Вот здесь нам строить верфи нужно,  
Чтоб снаряжались корабли,  
Чтоб морем северным и южным  
Спокойно плавать мы могли.

Чтоб мы везли товары сами,  
И русским рынкам был простор,  
И чтоб с ганзейскими купцами  
Нам не вступать повсюду в спор.  
Ливонский орден, ссорясь с нами,  
Закрыл на Балтику пути,  
И в рабстве эсты с латышами, –  
Нам доведется их спасти,  
И пусть балтийские народы  
Пропустят нас в морские воды.  
Вот для чего Руси нужна  
С Ливонским орденом война! (С. 107-108).

Кстати, представители Западной Европы, в-шестых, всегда рисуются однозначно негативно, как противники русского государства, намеренные нанести ему удар либо на поле битвы, стараясь захватить русские земли, либо путем политических интриг<sup>14</sup>. Своего рода программу европейской политики по отношению к России разворачивает польский король Сигизмунд Второй в письме к королеве Англии Елизавете:

... Вашему величеству мы не раз писали,  
Что пора подумать, чем грозит Восток,  
Чтобы не пришлось нам сетовать в печали,  
Если русский варвар будет к нам жесток.  
Быстро научаются эти московиты  
И владеть оружием и вести войну,  
Если ж будут к Балтике им пути открыты,  
Как нам быть спокойным за свою страну?  
(...)

Если мы доныне русских побеждали,  
Только их невежество помогало нам,  
На него рассчитывать можем мы едва ли,

---

<sup>14</sup> О важности образа «врага» для советской культуры см. Гудков, Л. Идеологема «врага» // Он же. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М., 2004. «Появление этих образов означало смену оснований легитимации коммунистической власти – переход от революционной идеологической фразеологии к имперской, великодержавной с характерным для нее акцентом на русской национальной исключительности. (...) Такое ретроспективно представленное пророчество о "нынешних днях" (...) "закорачивало" связь давних врагов с сегодняшними, историю империи с актуальными событиями, т.е. воспроизводило базовые временные (квази-эпические) конструкции массового сознания» (С. 623). См. также Мамедова, Д. Чужие ходят здесь. Толстяки, шпионы и иностранцы в детских советских книжках // Книжное обозрение «Ex libris». 19 августа 1999. С. 11.

Кое в чем придется уступить врагам (С. 105-106).

Европейская угроза для Руси оказывается более значимой, чем татарская<sup>15</sup>.

Но от хана как-никак  
Откупиться можно.  
Дань заплатим. Спору нет,  
Стянем пояс туже.  
Но ливонец – наш сосед,  
Дело тут похуже! (С. 23). –

излагает свою политическую программу Александр Невский.

При этом негативные образы европейцев зачастую дополняются на страницах книги сатирическими, снижающими чертами. Вот как, например, начинается глава о Лжедмитрии:

Жили да были, носили жупаны  
Ясновельможные польские паны.  
Знатные, важные, как поглядишь,  
Только в казне королевской-то – шиш!  
Все-то им, панам, земли не хватало.  
Все-то им плохо, все-то им мало.  
Смотрит на русских завистливый пан –  
Взять бы себе на работы крестьян!  
Пану обидно, что рожь и пшеницу,  
Лен и гречиху, скотину и птицу  
Русские пахари с русской земли  
Польскому пану во двор не везли (С. 154).

Этот же образ повторяется в главе об Иване Сусанине:

У себя владели землями  
Эти паны, тверды лбы,  
А при землях неотъемлемы  
Силы тяглые – рабы,  
Семьи жалкие крестьянские,

---

<sup>15</sup> Интересную параллель подобного «советского евразийства» см. в: Юмашева, О. «Александр Невский» в контексте евразийской рефлексии // История страны. История кино / Под ред. С. Секиринского. М., 2004. С. 99-114; Уленбрух, Б. Инсценировка мифа: О фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. К шестидесятилетию Ханса Гюнтера / Под ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. Санкт-Петербург, 2002. С. 316-327; Шенк. Александр Невский в русской культурной памяти.

Как в то время и у нас,  
Только жили люди панские  
Тяжелей во много раз (С. 211-212).

Таким образом, мы видим, что на страницах книги достаточно отчетливо прослеживаются основные черты официального образа истории, сформировавшегося после поворота первой половины 1930-х гг. к идее славного прошлого великого национального государства и усилившегося в период послевоенного роста патриотических настроений. Идеология «великой русской державы» позднего сталинизма, безусловно, сочеталась с дореволюционной «патриотической» традицией близкой Н.П. Кончаловской, дистанцировавшейся, в отличие от своего мужа, от «советского официоза»<sup>16</sup>. В то же время, как мы видели, в книге «неявно» присутствуют многие элементы нового, сугубо советского образа истории<sup>17</sup>. Это обусловило благожелательный прием книги и со стороны власти, и со стороны массового читателя. Книга оказалась востребована. Именно эта «неявность» идеологии (отсутствие «актуальной» проблематики, откровенной «марксистской» маркированной риторики) и позволила «сделать» удачный идеологический текст.

В знаменитом постановлении Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании «гражданской» истории в школе поставлена задача организации преподавания в «живой, занимательной форме», гарантирующей «доступность, наглядность конкретность исторического материала»<sup>18</sup>. Далеко не случайно сам Сталин отдавал свои личные предпочтения гимназическим учебникам Д.И. Иловайского<sup>19</sup>. Ему была близка и форма, и содержание<sup>20</sup>. И детская литература, «создававшая живой образ истории», органично вписалась в соответствующую нишу советской культуры<sup>21</sup>.

<sup>16</sup> См. главы «Мама» и «Отец» в воспоминаниях А.С. Кончаловского «Низкие истины».

<sup>17</sup> Этот образ в то же время достаточно удачно коррелирует с образом, заложенным в советских школьных учебниках по истории. См. Шеверев, А. История в школе: образ Отечества в новых учебниках // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г. Бордюгова. М., 1996. С. 37-55. Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 2002.

<sup>18</sup> К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 18.

<sup>19</sup> См. Дубровский, А. Указующий документ 1937 г. // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. М., 2004. С. 35. См. также Дубровский. Историк и власть ... ; И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920-50-е гг.: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Ч. 1. Санкт-Петербург, 2006.

<sup>20</sup> В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением В. Бухараева о стремлении идеологии, вытеснить «занимательность» из преподавания истории в школе. «Занимательность», на наш взгляд, реализовывалась в новых условиях в иных формах. См. Бухараев, В. Идеальный учебник большевизма. Традиции и лингвокультура «Краткого курса истории ВКП (б)» // Новый мир истории России. Форум российских и японских исследователей. К 60-летию профессора Вала Харуки / Под ред. Г. Бордюгова, Н. Исин, Т. Томита. М., 2001. С. 323-324.

<sup>21</sup> Хотя, естественно, наиболее близким аналогом дореволюционной занимательной исторической книги для детей оказываются работы А. Ишимовой.

В книге присутствует имплицитно законченная идеологическая конструкция, обязательным элементом которой является образ врага. Таким субстанциональным врагом для русского народа и государства в рамках этой конструкции оказывается Запад, персонифицированный польскими панами и «немецкими» рыцарями. Эта конструкция, безусловно, должна была повлиять на тот образ Запада, который формировался в сознании читателя, обычного советского ребенка.

И этот образ не ушел бесследно. В этом плане переиздание книги Н.П. Кончаловской издательством «Московские учебники» в 2009 году представляется весьма симптоматичным.